

DOI: 10.25629/HC.2026.08.02

УДК: 94(47).033

ВАК: 5.6.1. Отечественная история

Носов А.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ORCID: 0000-0001-5158-5537, js32r@yandex.ru

ОБРАЗЫ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКА

Аннотация

В статье предпринята попытка комплексно охарактеризовать особенности политического развития Тверского княжества в годы княжения Михаила Ярославича Тверского (1285–1317 гг.) сквозь призму деятельности и образов великого князя, отразившихся в тверском нарративе. Свидетельства ранних источников позволяют заявить о стремлении Михаила Тверского вести самостоятельную дальновидную политику с целью усиления собственного княжества в конце XIII–XIV в., когда он не только противостоял владимирским князьям (Дмитрию Александровичу и Андрею Городецкому), но и время от времени поддерживал их, а также де-факто возглавлял московско-тверской союз. В 1305–1317 гг. Михаил Ярославич занимал Владимирский великокняжеский стол. Он одним из первых проводил масштабную общерусскую политику среди русских княжеств. Михаил Тверской первым принял официальный титул «великого князя всея Руси», который подтверждали не только князья Северо-Восточной Руси, но новгородское вече. Аналогичная политика проводилась и в отношении церкви, что характеризует его как выдающегося правителя своего времени. Решительные действия князя в конфликте с Юрием Даниловичем были обусловлены его убежденностью в следовании Божьей правде, истекающей из евангельского мотива самопожертвования за веру и народ Тверского княжества. Княжение Михаила Тверского отражает образы, занимающие важное место в русской истории и сохранении исторической памяти. Это образы защитника своего Отечества, милосердного миротворца и святого.

Ключевые слова

Михаил Ярославич Тверской, Тверское княжество, летописание, агиография, титулатура, борьба за ярлык, 1317 г.

Nosov A.V., Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the Laboratory of the History of Diasporas and Migrations, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, ORCID: 0000-0001-5158-5537, js32r@yandex.ru

IMAGES OF MIKHAIL TVERSKY AND FEATURES OF THE POLITICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANDS IN THE LATE OF THE 13TH – FIRST QUARTER OF THE 14TH CENTURY

Abstract

The article offers a comprehensive analysis of the political development of the Tver Principality during the reign of Mikhail Yaroslavich of Tver (1285–1317) through the prism of his political activity and the images of his rule reflected in the Tver narrative tradition. Early sources indicate that Mikhail pursued an independent and far-sighted policy aimed at strengthening his principality in the late thirteenth and early fourteenth centuries. He not only opposed the princes of Vladimir, Dmitry Alexandrovich and Andrei Gorodetsky, but at times also supported them and de facto led the Moscow-Tver alliance. From 1305 to 1317, Mikhail Yaroslavich occupied the throne of the Grand Principality of Vladimir and was among the first rulers to pursue a large-scale all-Russian policy among the principalities of Rus'. He was also the first to adopt the official title "Grand Prince of All Rus'," a title recognized not only by the princes of Northeastern Rus' but also by the Novgorod veche. A similar policy was pursued in relation to the Church, which marks him out as an outstanding ruler of his age. The prince's decisive actions in the conflict with Yuri Danilovich were conditioned by his conviction that he was following God's truth, rooted in the evangelical motif of self-sacrifice for the faith and the people of the Tver Principality. Mikhail's reign generated images that occupy an important place in Russian history and in the preservation of historical memory: those of a defender of the Fatherland, a merciful peacemaker, and a saint.

Keywords

Mikhail Yaroslavich of Tver, Tver Principality, chronicle, hagiography, titulature, struggle for the label, 1317

Введение

Как в школьном, так и в вузовских курсах отечественной истории время правления Михаила Тверского традиционно рассматривается в рамках борьбы Москвы и Твери, где Тверь во главе с князем Михаилом выступают в роли главных антагонистов Москвы, что создает иллюзию сопротивления Твери процессу объединению русских земель (Орлов, 2006, с. 64; Керов, 2001, с. 73; Сахаров & Буганов, 2012, с. 169, 171–172; Спицин, 2015). Тверь представляется ключевым соперником Москвы: «Когда Юрий в сопровождении ордынского посла явился на Русь, тверской князь Михаил Ярославич отказался подчиниться ханскому приказу и разбил московские войска» (Данилов, 2009, с. 143). В новой линейке школьных учебников по истории России данная проблема освещена наиболее полно (Мединский & Торкунов, 2025, с. 154–157), однако в силу емкости курса правление Михаила Тверского и его отношения с Москвой закономерно не могли быть рассмотрены во всем своем многообразии.

Подобный взгляд на историю русских земель той эпохи точно отражает восприятие возвышения Москвы не только в исторической памяти, но и в научной и научно-популярной литературе.

В то же время борьба за лидерство в Северо-Восточной Руси до конца 1320-х гг. не была predetermined. Она представляла собой динамичный процесс, находившийся в прямой зависимости от ордынского фактора, с альтернативными сценариями трансформации русских княжеств.

Целью исследования является попытка проследить особенности политического развития Северо-Восточной Руси в конце XIII – первой четверти XIV в. с учетом точки зрения источников тверского происхождения, а также сквозь призму деятельности Михаила Ярославича Тверского и образов данного князя, отразившихся в тверском нарративе.

Методы

В работе намеренно рассматривается динамика политического процесса в Северо-Восточной Руси сквозь призму Тверского княжества. Такой подход позволяет оценить события тех времен с позиции другого потенциального лидера, сопоставить точки зрения современников и составить более объективную картину развития русских княжеств. Он согласуется с историографической тенденцией рассмотрения политики княжеств Северо-Восточной Руси (Пресняков, 1998; Конявская, 2011; Лурье, 1939, с. 85–86). Также в работе применяются традиционные методы для такого рода исследований, среди которых историко-генетический, сравнительно-текстологический и герменевтический методы. Комплексное изучение источников позволяет определить эволюцию борьбы за великое княжение и целей его достижения, проследить переход от региональной к общерусской политике русских князей, а также принципы и данной политики и способы ее репрезентации.

Источники и историография

Основными источниками, повествующими о правлении Михаила Ярославича, являются его Житие и памятники тверского летописания. Житие Михаила Тверского в разных редакциях и вариантах включалось во многие летописные своды XV – XVI вв. и в четьи сборники XVI – XVII вв. (Конявская, 2006, с. 37–52). Памятник бытовал в русских летописных центрах, что иллюстрирует важность жертвы Михаила Ярославича для составителей и читателей памятников историописания (Кучкин, 1974, с. 222–224, 276).

Автором произведения является духовник князя, игумен Тверского Отроча монастыря Александр. Он составил Житие в конце 1319 – начале 1320 г., вскоре после похорон Михаила Ярославича. В основу памятника легли личные воспоминания игумена Александра о князе, в том числе о его пребывании в Орде. Пространная редакция Жития является древнейшей, поэтому представляет наибольший интерес (Кучкин, 1974, с. 218–220, 233–235). Житие изобилует фактографическими подробностями. В.А. Кучкин детально изучил прямые и косвенные факты, упомянутые в памятнике и показал, что в нем содержатся уникальные и достоверные подробности о событиях на Руси и в Орде в первые два десятилетия XIV в. (Кучкин, 1974, с. 225–226).

Начало тверского летописания отражает растущую политическую мощь княжества последних десятилетий XIII в. Оно позволило вписать важные события Тверской земли в общерусскую историю. Тверское летописание зародилось в начале 1280-х гг. (под 1285 г. включено первое достоверное известие, упоминающее закладку каменного Спасского собора в Твери)¹¹. Инициатором летописной деятельности стал епископ Тверской Симеон (умер в 1290 г.). Е.Л. Конявская относит ранние летописные события тверской истории к изначально владычному летописанию епископов Симеона и Андрея, которые затем попали в великокняжеские своды (Конявская, 2011, с. 141–145). Около 1305 г. при дворе тверского князя был создан вели-

¹¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 406; 12, с. 81

ко княжеский свод 1305 г. (Муравьева, 1983, с. 101). Ядро известий составили известия крупнейших политических центров Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, к которым добавились статьи о Твери, Кашине, Рязани, Ростове, Великом Новгороде, Торжке и Костроме (Муравьева, 1983, с. 101–102). Свод 1305 г. стал первым опытом великокняжеского летописания в Твери (Приселков, 1924, с. 28–35).

В одном ряду с великими князьями и прославленными полководцами стоит и личность Михаила Тверского. Его жизнь и подвиги как нельзя лучше отражают русскую историю от Александра Невского до Дмитрия Донского, а именно картины ордынского беззакония, нескончаемые усобицы и вместе с тем стремление к духовному возрождению и независимости. Еще Н.М. Карамзин подчеркивал значение фигуры Михаила Тверского в русской истории: «[...] память Михайлова была священна для современников и потомства: ибо сей князь, столь великодушный в бедствии, заслужил славное имя отечестволюбца» (Карамзин, 1819, с. 176). По словам Н.С. Борисова, Михаил Ярославич «и есть воплощение этого татаро-монгольского ига, точнее – его страдальной, русской стороны. Жизнь князя Михаила... своего рода матрица, отпечатки которой в точности повторялись в десятках княжеских биографий той эпохи» (Борисов, 2017, с. 6). Е.Л. Конявская справедливо определила яркие и разносторонние картины ордынской политики в отношении Руси на примере Жития Михаила Тверского (Конявская, 2007, с. 33). В.А. Кучкин также связывал с личностью князя формирование национальных освободительных идей (Кучкин, 1974, с. 3).

Тверские историки и краеведы подчеркивали, что главной целью Михаила Тверского было благо его отечества. Политика Михаила Тверского отличалась миролюбием, он всегда стремился избежать кровопролития и заручиться поддержкой союзников для сохранения баланса сил в Северо-Восточной Руси. Михаил Ярославич установил основной принцип политики объединения земель, который позже будут активно использовать московские правители (Соколов, 1995, с. 19; Пономарев, 2007, с. 117; Смолик, 1995, с. 313, 321).

Результаты

Яркие образы Михаила Ярославича и детали развития Северо-Восточной Руси представлены в осколках тверского летописания, отразивших безусловную политическую и духовную поддержку своего князя, а также его политические устремления.

Они свидетельствуют об особом рвении Михаила Тверского о церковной жизни своего княжества. В сообщениях о закладке и освящении Преображенского собора (1285 и 1290 гг.) говорится об участии Михаила Ярославича и его матери Ксении, жены великого князя Ярослава Ярославича¹². Аналогичное сообщение читаем в Симеоновской летописи о поставлении Тверского епископа Андрея, где князь выступает в роли правителя, объединяющего под своей властью не только знать, но и духовенство (Борисов, 1986, с. 82).

Выбор праздника Преображения Господня для нового собора неслучаен. Почитание Спаса и Богородицы были важным княжеским «официальным» культом Северо-Восточной Руси. Характер этого религиозного образа отождествлялся с идеей могущества верховной власти, которая соответствовала независимому политическому курсу тверского князя (Борисов, 1986, с. 42). По мнению Г.С. Гадаловой, в этом выборе усматривается преемственность наследия идеологии самовластия владимирских князей, которая нашла свое выражение при Андрее Боголюбском, установившего 1 августа 1164 г. новый праздник, посвященный Всемиловитому Спасу (Конявская, 2011, с. 57–58; Гадалова, 2011, с. 64).

¹² Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 406.

В 1288 г. «не въсхотѣ Михайль Тфѣрскыи покоритися» великому князю Дмитрию и начал собирать полки против него и его союзников¹³ (Селезнев, 2010, с. 9). Согласно рассказам Рогожского летописца и Тверского сборника, войска Дмитрия Александровича вступили в пределы Тверского княжества, разорили окрестности Кашина и сожгли Кснятин, а после двинулись на Тверь. Михаил воспрепятствовал их продвижению и «противу выеха». Видя упорство молодого князя, Дмитрий Александрович примирился с ним и ушел ни с чем¹⁴. Оценка событий 1288 г. носит протверской характер: молодой князь выступает здесь защитником интересов Твери. Мы не знаем о причинах конфликта между Михаилом и Дмитрием. Вероятно, они крылись в антипатии Ксении Тверской в отношении Дмитрия Александровича.

В начале 1290-х гг. Михаил Тверской поддержал Дмитрия Александровича в борьбе за ярлык против его брата, Андрея Городецкого. Сторону Дмитрия занял и Даниил Московский, что свидетельствует о добрых партнерских отношениях соседствующих княжеств, направленных на общее единение Северо-Восточной Руси. Перед нашествием Дюденевой рати Михаил Ярославич поспешил в Орду. По наблюдению В.В. Каргалова, Михаил Ярославич принадлежал группе князей, искавших поддержки Ногай (Каргалов, 1967, с. 193). Э. Клюг частично оспорил данную точку зрения, поскольку Тверь враждовала с великим князем до конца 1280-х гг. Он же обратил внимание на ценное замечание Б. Шпулера, согласно которому противоречия между Ногаем и Тохтой возникли лишь во второй половине 1290-х гг., поэтому поход Дюдены «служил укреплению татарского владычества в целом» и не был направлен против интересов Ногай в русских землях (Клюг, 1994, с. 77).

В.С. Борзаковский и А.В. Экземплярский полагали, что Михаил хотел завладеть ярлыком на великое княжение (Борзаковский, 1876, с. 88; Экземплярский, 1891, с. 458). Вероятнее всего, в 1293 г. Михаил Ярославич отправился к Ногаю – в противовес обращения Андрея Городецкого к Тохте. Заручившись поддержкой степняков Ногай, Михаил Тверской хотел отвести беду от своего княжества (Кучкин, 2002а, с. 138; Борисов, 2017, с. 146). Житие Софьи Ярославны, сестры Михаила Тверского, повествует, что тогда князь «баше в Ордѣ, заступая крестьяне от нашествия поганых» (Кучкин, 2002б, с. 112).

Согласно Симеоновской летописи, зная о скором возвращении своего князя, тверичи с воодушевлением готовились к обороне города, когда Дюдень «въсхотѣша ити на Тферь». Михаил Ярославич намеревался идти через союзную Москву, чтобы избежать преждевременного столкновения с ордынцами. Летописец воспринимает Божьим чудом известие о появлении «некого попина», показавшего Михаилу «путь мирень», поскольку в тот момент в Москве пребывали отряды Дюдены. Узнав о возвращении Михаила, Дюдень и Андрей Городецкий отказались от похода на Тверь¹⁵. Михаил Ярославич предстает здесь в образе бесстрашного непобедимого защитника своего княжества. По мнению Н.С. Борисова, он имел ярлык на Тверское княжество от Ногай, поэтому столкновение Дюдены с Михаилом означало бы прямое неповиновение эмиру, который вскоре мог свергнуть брата Дюдены, хана Тохту (Борисов, 2017, с. 146).

Благодаря мудрой политике Михаила Ярославича Тверь не только устояла политически, избежала разорения, но и не отправила степнякам богатые дары, как это сделали новгородцы. После похода Дюдены в Тверь стали стекаться люди из других княжеств в поисках защиты от монгольских карательных экспедиций¹⁶. В тот момент Тверь стала общерусским центром сопротивления Дюденевой рати¹⁷ (Борисов, 1986, с. 40).

После Дюденевой рати союз Москвы и Твери продолжал противостоять великокняжеской политике. В 1296 г. произошел конфликт из-за наследования Переяславского княжества Иваном Дмитриевичем. Во Владимире прошел съезд князей. На съезде Михаил выступил против

¹³ Полное собрание русских летописей. (2007). Т. 18. Москва. С. 78–79.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 34, 406.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. (2007). Т. 18. Москва. С. 82–83.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. (2007). Т. 18. Москва. С. 82.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. С. 66, 70.

великого князя Андрея Городецкого, Федора Ярославского и Константина Ростовского¹⁸. Согласно Никоновской летописи, Владимирский владыка Симеон примирил стороны, и кровопролития удалось избежать¹⁹.

На рубеже 1296–1297 гг. Андрей Городецкий предпринял попытку завладеть Переяславлем. Сопротивление оказало московско-тверское войско, преградившее ему путь близ Юрьева. В событиях 1296/97 г. Симеоновская летопись дважды называет Михаила Тверского братом Даниила Александровича, подчеркивая их союзнические отношения. Летописец объясняет выступление Москвы и Твери просьбой Ивана Переяславского «блюсти свою отчину Переяславль князю Михаилу Тферскому»²⁰. Это известие ясно показывает более высокое положение Михаила в сравнении с Даниилом, который выступает в роли младшего союзника могущественного тверского князя. По лестничному принципу Даниил находился выше Михаила, он был сыном Александра Невского, а Михаил – племянником. Однако обстоятельства складывались так, что, вероятнее всего, князья действовали наравне. В сообщениях Симеоновской летописи о союзе Москвы и Твери наблюдается тверская оценка межкняжеских отношений, превозносящая Михаила Ярославича.

Московско-тверская коалиция распалась в 1300 г. в связи со смертью Ногай. В том году в Дмитрове прошел съезд князей: московский и переяславский князь на этот раз объединились против Твери, а Михаил Ярославич занял сторону Андрея Городецкого, не примирившись с Иваном Переяславским²¹ (Штыков, 2002, с. 62). Так Михаил покинул своих союзников и перешел на сторону Андрея Александровича. Изменения политического курса тверского князя влекло за собой неизбежное оказание всеобъемлющей поддержки масштабной политики Андрея Городецкого. Действия Михаила Ярославича отличались дальновидностью, и он не спешил вести активную борьбу с его оппонентами.

Рассмотренные летописные известия проливают свет на место Михаила Тверского в политической жизни Руси. Он представляет собой зрелого правителя, отстаивающего интересы своего княжества и претендующего на лидерство в Северо-Восточной Руси.

В 1304 г. Андрей Александрович умер, и Владимирский стол оказался свободным. В 1304 г. перед смертью Андрей Городецкий пожелал, чтобы ярлык достался именно Михаилу как старейшему из рода Ярослава Всеволодовича. От лица церкви за него выступил митрополит Максим²². Великокняжеские бояре, включая именитого боярина Акинфа, «фхаша въ Тферъ» к Михаилу Ярославичу^{23,24}.

Впервые со времен гибели Ярослава Всеволодовича был достигнут политический консенсус такого уровня. В глазах современников и потомков Михаил Ярославич не казался узурпатором, силой вырвавшим ярлык у своих братьев подобно Андрею Городецкому. Образ законного, справедливого князя, пользующегося поддержкой, напоминает Александра Ярославича. Не случайно Житие Михаила Тверского было написано под литературным влиянием Жития Александра Невского (Конявская, 2007, с. 31). И все же амбиции и упорство Юрия Даниловича в борьбе за власть не позволяют говорить о полном единении князей Северо-Восточной Руси.

Главным претендентом на Владимирский стол становился Михаил Ярославич: «Ему же по старѣишинству дошелъ бѣше степень княжения великого»²⁵ (Кучкин, 1999, с. 130). Житие под-

¹⁸ Полное собрание русских летописей. (2007). Т. 18. Москва. С. 83.

¹⁹ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 10. Москва. С. 171.

²⁰ Полное собрание русских летописей. (2007). Т. 18. Москва. С. 83–84.

²¹ Полное собрание русских летописей. (2007). Т. 18. Москва. С. 85.

²² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. (1950). Москва; Ленинград. С. 92.

²³ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 3. Москва. С. 92.

²⁴ Полное собрание русских летописей (2000). Т. 10. Москва. С. 175.

²⁵ Полное собрание русских летописей. (2003). Т. 5. Москва. С. 207.

мечает, что Юрий Данилович являлся Михаилу «сыновцем», т.е. племянником (в реальности двоюродным племянником), поэтому он должен был уступить ему великое княжение. По свидетельству современника, в 1304 г. митрополит Максим при поддержке княгини Ксении пытался примирить Юрия Московского с Михаилом (Гадалова, 2011, с. 98). Он обещал Юрию: «[...] чего въсхочешъ изъ отчины вашей, то ти дасть». Однако увещевания митрополита не остановили Юрия Даниловича. Он не послушал и отправился в Орду²⁶ (Кучкин, 1999, с. 131). Повесть снова подчеркивает роль владыки Максима в событиях 1305 г., поскольку он посадил Михаила на Владимирский стол, а также ссылался на высокое место князя среди потомков Ярослава Всеволодовича, тем самым утверждая его легитимность: «[...] и посажень бысть на столъ дѣда, отца своего у святѣи Богородици въ Володимире блаженным и преподобным Максимом митрополитом всея Руси» (Кучкин, 1999, с. 132). Тверской князь пытался задержать Юрия на пути в Орду, но безуспешно: «И много бысть замятни в Суждальской земли во всѣхъ градѣхъ»²⁷. Также Михаил Ярославич насильно посадил в Новгороде своих наместников.

Михаил Ярославич стремился оказать давление на молодого и горячего московского князя и во время спора о великом княжении в Орде. По повелению Михаила боярин Акинф пошел ратью на Переяславль, недавно вошедший в пределы московских владений, но осада обернулась неудачей. Тверское летописание умалчивает о досадном поражении Акинфа. Рогожский летописец и Тверской сборник содержат лапидарные записи за 6814/15 г. о смерти Андрея Городецкого, поездке Михаила Ярославича в Орду, рождении сына Михаила, Константина, возвращении Михаила и его вокняжении во Владимире, о походе тверского князя на Москву и преставлении митрополита Максима²⁸.

В Никоновской летописи известие озаглавлено как «Повесть о убиении Акинфове, боярине тверском», она незначительно расширена в сравнении с сообщением Симеоновской летописи. Оба текста представляют собой московский взгляд на события. Подчеркивается превосходство тверских сил над скромной переяславской и московской ратью Ивана Даниловича, которые героически держали оборону города. Ожесточенная битва была выиграна москвичами благодаря Божьему произволению: «Бишася зѣло крѣпко, и поможе Богъ князю Ивану и уби Акинфа у Переяславля, и зятя его Давыда, и множество Тверичъ, и погнашася за ними и юстигающе много тѣричь побиша»²⁹. Никоновская летопись добавляет: «И бысть въ Твери печаль и скорбь велиа, а въ Переславлѣ веселие и радость велиа»³⁰. После возвращения из Орды Михаил Ярославич отправился в поход на Москву. Ни один источник не свидетельствует о его результатах. Несмотря на обиду, новый великий князь Владимирский не стремился растратить все свои силы на неудачный приграничный конфликт, который он же и развязал.

В результате спора о великом княжении ярлык достался Михаилу Тверскому. На основе Жития Софьи, сестры Михаила Ярославича, В.А. Кучкин установил время поездки князя в Орду: он отправился к хану 1 мая и вернулся после 20 октября 1305 г. (Экземплярский, 1891, с. 114). Житие было написано в 1305 – 1306 гг. духовным лицом близким к княжескому окружению. Агиограф был хорошо осведомлен о взаимоотношениях Софьи с братом. Михаил Тверской фигурирует в Житии в качестве самостоятельного героя, а потому свидетельства о нем имеют особую ценность (Кучкин, 2002б, с. 114).

После возвращения из Орды великий князь захватил Переяславль и присоединил его к Владимирскому княжеству (Кучкин, 1984, с. 137–139). Решительный шаг Твери иллюстрирует стремление к возвращению законной границы на московско-тверском порубежье, что препятствовало усилению Юрия Даниловича. Иван Дмитриевич Переяславский завещал свое княжество Даниилу Московскому, поскольку у него не было наследников. Однако это противоречило

²⁶ Полное собрание русских летописей. (2003). Т. 5. Москва. С. 207.

²⁷ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 3. Москва. С. 92.

²⁸ Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 35, 407.

²⁹ Полное собрание русских летописей. (2007). Т. 18. Москва. С. 86.

³⁰ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 10. Москва. С. 175–176.

принципу наследования выморочного удела, и ему надлежало войти в состав Владимирского великого княжения. Вскоре после этого события Михаил Ярославич принял титул «великого князя всея Руси», закрепивший не только его первенство в Северо-Восточной Руси, но и превосходство над Москвой.

Михаил Тверской первым среди русских князей получил титул «великого князя всея Руси» (Горский, 1996, с. 102; Богданов, 2008, с. 34). Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском является древнейшим источником, использующим данный титул. Михаил Ярославич систематически титулуется великим князем, начиная с рождения и заканчивая гибелью, то есть в том числе в те периоды его жизни, когда он точно не обладал великокняжеским ярлыком (Кучкин, 1999, с. 130, 132, 135, 155). С одной стороны, нет оснований полагаться на данные свидетельства, поскольку они противоречат историческому контексту и другим источникам. С другой, они отражают позицию агиографа и отношение тверских книжников к Михаилу Ярославичу, ставшего символом могущества Тверского княжества.

В.А. Кучкин убедительно показал, что Михаил Ярославич стабильно именовался «великим князем всея Руси» в договорных грамотах с Великим Новгородом с 1307 по 1317 гг., когда он сохранял за собой владимирский стол. Титулование отмечалось в инскрипции или интитуляции этих договоров³¹ (Кучкин, 2008, с. 12). Титул подчеркивал высокое положение его носителя в сравнении с прочими князьями, а также указывал на территориальную область распространения его власти (Кучкин, 2008, с. 18). Указание «всея Руси» подчеркивало претензии великого князя на владение территорией от Северо-Восточной Руси и вплоть до всех исконно русских земель.

Высокие характеристики княжеского достоинства тверского правителя приводятся в послании константинопольского патриарха Нифонта к Михаилу Ярославичу: «Богомъ прославленному и благочестивому сынови духовному нашего смирения Михаилу, великому князю всея Руси». Нифонт писал, что Михаилу «Богомъ дана [...] есть власть и княжение», а также предлагал ему самостоятельно выбрать кандидата в митрополиты в случае смещения владыки Петра: «[...] кого въсхоцеть боголюбъство твое»³². Монах Акиндин украшал тверского князя высокими эпитетами: «Богомъ съхраненному и благочестивому и благочестия держателю, великому князю Михаилу и честному самодержцю русакого настолования»³³. Таким образом подчеркивается верховность, суверенность и неделимость власти Михаила на Руси, несмотря на суверенитет ордынского хана. Это свидетельствует о распространении влияния власти Михаила Тверского (Кучкин, 2008, с. 20).

Акиндин горячо призывает бороться Михаила с мздоимством в церкви, подчеркивая, что он «царь еси, господине княже, въ свои земли». По наблюдению исследователей, это выражение является переводом латинской фразы «*Rex est dominus in regno suo*» («Король есть господин в своем государстве»). Она выражает претензию французских королей на власть против притязаний императоров Священной Римской империи и папской курии, которая была известна со второй половины XII в. и была особенно актуальна в конце XIII – первой половине XIV в. (Soloviev, 1966 p. 136; Клюг, 1994, с. 103–104). Данная формула была выработана французскими легистами для обоснования доктрины, согласно которой власть короля признавалась выше церковной власти римского папы (Хачатурян, 1989, с. 27; Кучкин, 2008, с. 20). Акиндин мог узнать об этой формуле в Константинополе, куда он был отправлен Тверским епископом Андреем для получения разъяснений по вопросу взимания денег за поставление на церковные должности. Э. Клюг и В.А. Кучкин полагают, что Михаил Ярославич добивался распространения представлений о его главенствующем положении на политической карте Северо-Восточной Руси не только в русских зем-

³¹ *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. (1949). Москва; Ленинград. С. 19–24.

³² *Русская историческая библиотека*. (1908). Т. 6, ч. I. Санкт-Петербург. Стб. 147–149.

³³ *Русская историческая библиотека*. (1908). Т. 6, ч. I. Санкт-Петербург. Стб. 149.

лях, но и в Византии. Хронист Максим Плануда, писавший о тверском посольстве к византийскому императору Андронику II Палеологу, указал, что его послал Михаил «*basileus ton Rhos*», т.е. дословно «царь Руси» (Клюг, 1994, с. 103; Кучкин, 2008, с. 21).

Житие Михаила Тверского входило в состав тверского великокняжеского летописного свода 1327 г. Автор памятника формулировал идею единовластия, единения младших князей и бояр, всех русских князей под началом владимирского князя, тем самым отражая развитие идейно-политических устремлений тверских князей (Кучкин, 1974, с. 247–272). Важное место занимает и лицевой список Хроники Георгия Амартола, созданный по заказу Михаила Тверского и его матери Ксении между 1304 – 1307 гг. (РГБ. Ф. 173. № 100) (Попов & Рындина, 1979, с. 20–22). Хроника Георгия Амартола украшена 127 миниатюрами. В списке представлен ктиторский портрет заказчиков в молении у иконы Спаса (Подобедова, 1965, с. 18–22). Он демонстрирует характер и размах претензий на общерусскую великокняжескую власть. Исследователи полагают, что миниатюра подчеркивает соименность князя Михаила Ярославича и византийского императора Михаила III, о котором повествуется на л. 17 в событиях середины IX в. (перед изображением князя Михаила на л. 17 об.), также выявляется их определенное сходство. Здесь проявляется замысел рассмотреть русскую историю в связи с историей всемирной, в которой правление конкретного князя является неотъемлемой частью истории правления римских кесарей и византийских императоров (Попов & Рындина, 1979, с. 20).

Однако насколько широко демонстрировалось увеличение власти Михаила Тверского в реальной политике? Историки замечали, что Тверь не стремилась присоединять к своим владениям мелкие княжества подобно Москве в начале XIV в., и в то же время лишь Москва и Великий Новгород оказывали сопротивление Твери до 1317 г. (Vodoff, 1978, р. 7; Клюг, 1994, с. 104). Политика внутреннего усиления Твери не вызывала неприятия большей части княжеств Северо-Восточной Руси. С осторожностью можно говорить о принятии фигуры Михаила Ярославича в качестве претендента на статус общерусского князя.

В борьбе за политическое лидерство в Северо-Восточной Руси князья стремились установить добрые отношения с Великим Новгородом – потенциальным союзником с ведущим уровнем экономического развития среди русских земель. На начало XIV в. история уже знала яркие моменты новгородско-тверских отношений. Младший брат Александра Невского и отец Михаила Тверского, основатель династии тверских князей Ярослав Ярославич в 1254 – 1255 гг. княжил в Пскове и Новгороде³⁴.

Михаил Ярославич также вел активную новгородскую политику в отношении. В 1304 г. было заключено dokonчание, по которому новгородцы признавали Михаила своим князем. Грамота показывает, что он стремился к распространению собственной власти за пределы Тверского княжества еще до выдвижения претензий на великое княжение. Отправившись к хану за ярлыком, Михаил Ярославич пытался утвердить свою власть силой, отправив в Новгород наместников. Изначально горожане отказались их признавать, однако затем великий князь утвердил свою власть (Штыков, 2002, с. 62).

Актуальный договор, обеспечивавший прочный мир с Новгородом, был заключен Михаилом Ярославичем лишь в 1307 г.³⁵ (Пономарев, 2011, с. 238). Михаил закреплял свое политическое влияние в Новгороде. Это проявилось даже в строительстве новых церквей, посвящение которых соответствовало распространенным культам Южной и Северо-Восточной Руси (в честь Бориса и Глеба и в честь отцов I Вселенского собора) (Борисов, 1999, с. 117–119; Штыков, 2002, с. 92). Однако великокняжеские наместники злоупотребляли своей властью, а также увеличились поборы в пользу Орды, что привело к возмущению новгородцев. После возвращения Михаила Ярославича из Орды он возглавил военный поход по Новгородской земле, в результате которого захватил порубежные города – Торжок и Бежецк. Также великий князь вывел

³⁴ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 10. Москва. С. 144.

³⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. (1949). Москва; Ленинград. С. 19–22.

своих наместников и организовал Новгороду хлебную блокаду. В результате архиепископ Давид примирил стороны, и новгородцы заплатили выкуп³⁶ (Пономарев, 2011, с. 238).

Юрий Данилович предпринимал попытки распространить свое влияние в Новгородской земле в рамках соперничества с Михаилом Тверским за лидерство в Северо-Восточной Руси. Московско-новгородский союз получил окончательное оформление в 1315 г. Юрий оставил в городе в качестве наместника своего брата Афанасия Даниловича и Федора Ржевского. В феврале 1316 г. Михаил Тверской оказал сопротивление московской экспансии и при поддержке ордынцев во главе с Таитемиром осадил Торжок. Московские ставленники были отправлены в Тверь в качестве заложников, укрепления Торжка были срыты, а тверичи получили огромный выкуп — 5 тыс. гривен. Михаил вновь восстановил полноту своей власти в Новгороде и поставил там своих наместников³⁷³⁸.

Нет оснований наблюдать здесь желание Михаила подчинить Новгород в рамках политики объединения Руси. Справедливо расценивать военное давление на Новгород как стремление восстановить традиционные отношения Новгородской земли и великого князя Владимирского, поскольку новгородцы призвали на княжение московского князя вопреки «старине». В свою очередь Новгород был заинтересован в союзе с Юрием Даниловичем, поскольку он представлялся им слабым князем, не заинтересованным в распространении сильной княжеской власти и не претендовавший на экономическую независимость Новгорода.

Особое значение следует придать рассмотрению духовных ориентиров Михаила Ярославича, наиболее полно воплотившихся в образе святого, который традиционно наделялся книжниками тенденциозными житийными характеристиками. Однако среди агиографических клише наблюдаются идеалы, которыми он руководствовался в реальной жизни.

Согласно Житию, Михаил Тверской внимательно отнесся к духовной подготовке перед отправлением на ханский суд в 1318 г. Взяв благословение у епископа Варсонофия и тверских священников, он отправился под Владимир, на реку Нерль, где в последний раз исповедался своему духовнику, игумену Иоанну, «на многы часы очищая душу свою». Он сокрушался, что из-за его грехов его земля и народ переживают тягостные испытания (Кучкин, 1999, с. 138). Очищение души искренним и чистосердечным раскаянием дало ему силы со смирением переносить в плену пытки и унижения и с достоинством встретить смерть (Жилина, 2021, с. 93). В агиографической оценке великому князю было суждено стать мучеником за веру. Агиограф подчеркивает, что святой принял смерть от мусульман, поскольку хан Узбек на тот момент принял ислам в качестве государственной религии в Орде (Кучкин, 1999, с. 132).

В Житии нашла отражение так называемая идеология «ордынского плена», сформулированная владимирскими и ростовскими книжниками во второй половине XIII в. Рассуждая о чертах своего времени, автор последовательно обращается к образам вавилонского пленения иудеев. Житие повествует о жизни Михаила Тверского, отсчитывая дату его рождения от Батыева нашествия, характеризуя установления ордынского господства как плен: «По великомъ жестокомъ пленении русѣмъ минувшим 30 и 4 лѣтъ» (Кучкин, 1999, с. 129). Политика хана Узбека, направленная, по мнению автора Повести, против христиан, также соизмеряется с событиями вавилонского пленения. Нелицеприятные эпитеты адресованы персонально ордынскому хану («царю немилостиву, законопреступну, лукавнѣйшу паче всея земля») (Дан. 3:32) (Кучкин, 1999, с. 132). Они призваны показывать ожидание несправедливого суда, которому будет предан Михаил Ярославич.

Причиной Божьей казни, ниспосланной на русские земли, Житие называет вражду между князьями Михаилом и Юрием. В 1305 г. первая ссора князей была вызвана стремлением «князей татарских» настроить их друг против друга. Во время пребывания князей у хана Узбека в

³⁶ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 3. Москва. С. 94.

³⁷ Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 36; 33, с. 63.

³⁸ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 3. Москва. С. 92.

1315 г. между ними вновь началась «превеликая» распря, спровоцированная степняками-займодавцами³⁹.

Решительные действия Михаила Тверского в рамках конфликта с Юрием Московским в 1317 г. обусловлены не прагматизмом и конформизмом, а убежденностью в своей и Божьей правде, продиктованной евангельским мотивом самопожертвования: «[...] великий князь Михаил Ярославич, свое царство у места вменивъ, остави, приять страсть нужную, положи душу свою за други своя, помня слова Господне...» Данная мысль рефреном отзывается в кульминационных событиях Жития. Такой подход позволил агиографу представить подвиг Михаила как мученичество за веру и жертву за народ Тверского княжества (Коняевская, 2007, с. 40).

Агиограф вкладывает эту идею в уста Михаила, призывавшего на бой тверичей: «“Иже аще кто положить душу свою за други своя” (Ин. 15:13), “велик наречется въ царствии небеснѣмъ” (Мф. 5:19). Нам же не за единѣ другъ, ни за два положити душа своя: селико народа в полону, а ини избиени суть, жены же и дщери их осквернени суть от поганных, а нынѣ мы иже за толика народа положим своя душа. Да вменится нам слово Господне въ спасение» (Кучкин, 1999, с. 135–136). Речь князя развивает евангельскую цитату в русле антиордынской риторики, подчеркивается, сколько людей несправедливо пострадало от монгольского зла. Михаил Тверской побуждает тверичей биться за невинноубиенных и уведенных в плен во спасение их душ. Этот императив снова проявляется в житийном описании похода в Орду, суда и гибели Михаила Тверского: вспомнив подвиг Дмитрия Солунского, он решает «положити душу свою за многия душа» и за «отечество» (Кучкин, 1999, с. 140; Кучкин, 1974, с. 39). Здесь воплощается нравственный подвиг князя и его сильная политическая позиция.

22 декабря 1317 г. в 40 верстах от Твери состоялось решающее сражение между противоборствующими сторонами – Бортеневская битва (Пономарев, 2007, с. 35–57). Михаил Ярославич разбил объединенное московское, суздальское, ростовское, ярославское и монгольское войско, предварительно отразив наступление новгородцев. Юрий спасся бегством и укрылся в Новгороде. В тверском плену оказался его брат Борис и жена, ханская сестра Кончака. На следующий день бежавший с поля битвы Кавгадый был приглашен в Тверь, где ему оказывались высшие почести⁴⁰.

В феврале 1318 г. Юрий Московский с новгородцами и Михаил Тверской заключили мирный договор. На первый взгляд, текст договора закрепил прочный мир между сторонами. Михаил Ярославич восстанавливал торговые сношения: «[...] а ворота ти отворити, а хлѣбъ ти постити и всякий ти гость пустити в Новгород, а силою ти гостя въ Тѣмъ не переимати». Также утверждалось, что через Тверское княжество могут свободно проезжать новгородские люди и послы «бес пакости». И все же в договоре сообщалось, что Михаил Тверской разрывал более выгодные для него предшествующие договоры. В окончании Юрий и Михаил названы великими князьями, но ведущая роль во взаимоотношениях с Новгородом отводится Михаилу Ярославичу, что подчеркивает его авторитет и превосходство над Юрием Даниловичем (Кучкин, 2000, с. 174 – 175). Несмотря на примирение, вероятно, они собирались вместе ехать в Орду и продолжать спор о великом княжении (Кучкин, 1999, с. 138; Насонов, 1940, с. 85).

После загадочной гибели Кончаки в Тверском плену Михаилу Ярославичу пришлось ехать на поклон к Узбеку. В августе 1318 г. ханский посол Ахмыл вызвал Михаилу в Орду, сообщив, что Юрий и Кавгадый оклеветали его: «Зовет тя царь. Буди вборзе за мѣсяць, аще ли не будеши, уже воименовал рать на твой город. Обадил тя есть Ковгады къ царю, глаголя: “Не бывати ему во Ордѣ”»⁴¹ (Кучкин, 1999, с. 137–138). Многие уговаривали его отказаться от поездки. Михаил отвечал, что, если он не отправится к хану, монгольский гнев обрушится на все Тверское княжество и, вероятно, на многие земли Северо-Восточной Руси. Князь предчувствовал, что не вернется на Русь, поэтому дал своим детям прощальный наказ, наставляя их «кротости, уму, смирению же и

³⁹ Полное собрание русских летописей. (2000). Т. 3. Москва. С. 131, 133.

⁴⁰ Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 38.

⁴¹ Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 38.

разуму, мужеству, всякой доблести, веляше последовати благим своим нравом». Также он оставил им завещание о разделе Тверского княжества. За месяц Михаил Ярославич приехал в ставку Узбека в устье Дона (Кучкин, 1999, с. 140–141).

Узбек проводил основательное разбирательство по делу Михаила Ярославича. Первые полтора месяца Михаил Тверской находился в Орде под чуткой ханской опекой, и никто не мог причинить ему зла (Кучкин, 1999, с. 141). Главным обвинителем Михаила выступил Кавгадый. После серии судов Узбек приказал Кавгадыю казнить тверского князя. 22 ноября 1318 г. Михаил Ярославич был убит людьми монгольского эмира и Юрия Даниловича. Среди них упоминается некий Романец, вырезавший сердце из груди князя (Кучкин, 1999, с. 142–155).

Мнение о предрешенности дела Михаила Тверского не может соответствовать действительности, поскольку решающее слово было за Узбеком, который не был уверен в виновности князя. В противном случае ему не было смысла тянуть с исполнением смертного приговора 2,5 месяца. К тому же в Орде были люди, очевидно, настроенные против интриг и хитросплетений Кавгадыя, поэтому они покровительствовали Михаилу. Среди них справедливо видеть и посла Ахмыл, который летом 1318 г. возвестил Михаилу о ханском вызове (Конявская, 2011б, с. 111–112).

В.А. Кучкин и Э. Клюг считают, что в поздних редакциях Жития затушевывалась причастность Юрия Даниловича к расправе над Михаилом Ярославичем (Кучкин, 1974, с. 152; Клюг, 1994, с. 109). Данная точка зрения требует уточнения. Несмотря на очевидную заинтересованность Юрия Даниловича в окончательном смещении своего противника, автор Пространной редакции памятника воздерживается от резких осуждений московского князя. В описании Бортеневской битвы и ее последствий Житие будто уклоняется от упоминаний прямого соприкосновения сил Михаила и Юрия, чтобы сместить акцент на столкновение тверичей с монгольской ратью. В памятнике предстает картина разъединенных войск Кавгадыя и Юрия, хотя известно, что они действовали сообща. Это соответствует дальнейшей интерпретации формирования обвинения против Михаила Ярославича, где не Юрий, а Кавгадый играет главную роль (Кучкин, 1999, с. 136, 142–143).

На суде Кавгадый провозгласил три вины тверского князя: «Царевы дани не далъ еси, против посла билъся еси, а княгиню Юрьеву повелѣлъ еси уморити» (Кучкин, 1999, с. 143). Житие резко отрицает предложенные обвинения. Игумен Александр свидетельствует, что Михаил Ярославич предоставил Узбеку необходимые доказательства своей невиновности, которые, однако, не были им приняты.

Таким образом, по оценке агиографа, в Орде проходил несправедливый суд, где «на блаженнаго, на непорочнаго Христова воина» возводились лживые обвинения, обусловившие мученическую кончину Михаила Тверского: «А не вѣси, окаянне, аже ся своею сплель еси ему венецъ пресвѣтелъ» (Кучкин, 1999, с. 142). Подобные рассуждения позволяют судить, что автор Жития враждебно настроен к Узбеку и к установлению господства монголов над русскими землями (Кучкин, 1974, с. 252). Ч. Гальперин подметил, что тверские книжники изобразили Узбека ответственным за пытки и казнь своего князя, а его правление представили как бесчеловечно жестокое (Гальперин, 2012, с. 102). Рогожский летописец резко осуждает действия Кавгадыя, а также называет Узбека незаконным царем⁴². Здесь мы наблюдаем первые радикальные обвинения монгольского хана, подрывающие его легитимность.

Кавгадый выступает в Житии олицетворением зла. Агиограф характеризует его наиболее выраженной этноконфессиональной лексикой и отрицательными эпитетами («беззаконнаго треклятаго Кавгадыя», «с кровопийцею с Ковгадыемъ», «окаяннаго Кавгадыя», «нечестивыи Ковгадыи», «судья и сутяжи, тои же лжив послух бываше» (Кучкин, 1999, с. 133, 134, 136, 142)). Согласно Житию, в рамках споров в Орде Михаил Ярославич выступает исключительно против ордынцев, а Кавгадый представляет собой абсолютного злодея и врага Михаила Тверского (Конявская, 2007, с. 34–36).

⁴² Полное собрание русских летописей. (1922). Т. 15, вып. 1. Петроград. Стб. 38–40.

Э. Ключ писал, что Юрий Данилович выступает в мрачном свете после убийства Михаила Ярославича (Ключ, 1994, с. 109). Московский князь присутствовал при расправе, а после свершившейся казни Кавгадый с Юрием проехали на конях мимо тела святого, над которым посмеялся ордынец, укорив своего соратника (Кучкин, 1999, с. 156). Подробные житийные описания мучений и осмеяний Михаила, наполненные реалистичными деталями, призваны не только запечатлеть мученическую кончину святого, но и продемонстрировать русским князьям, какие страшные унижения и мучения ожидают их в случае неповиновения хану.

Выводы

В результате мудрой политики Михаила Ярославича ни одно другое княжество Северо-Восточной Руси не могло конкурировать с Тверью. Михаил Тверской обеспечил своему княжеству высокую обороноспособность, развивал его как ключевой политический и культурный центр. Он стал первым князем, активно выражавшим устремления к проведению общерусской политики. Михаил Ярославич последовательно выстраивал отношения с Великим Новгородом, однако потерпел крах вследствие усиления влияния Юрия Даниловича.

Твердость в вере и законе, преданность идеалу самопожертвования подчеркивает духовное единство Михаила Тверского, Александра Невского и Дмитрия Донского. Книжники традиционно искали религиозные мотивы в оправдании или осуждении политических деяний. Однако в данном случае первична убежденность Михаила Ярославича в сакральности своих действий, освященных Божиим благословием, которая спустя время осмыслялась древнерусскими интеллектуалами в летописных и агиографических произведениях. В конечном счете упомянутое столкновение стоило Михаилу Тверскому жизни, за что он и сподобился святости.

Рассмотренные эпизоды биографии Михаила Ярославича и его эпохи открывают ценные для сохранения исторической памяти образы, красной нитью проходящие через всю историю русского Средневековья, ставшие важнейшей опорой для формирования единого Русского государства. Это образы защитника своего отечества, милосердного миротворца и святого.

Библиография

- Богданов, С. В. (2008). Об определении «всея Руси» в великокняжеской титулатуре XIV – XV вв. (по материалам актов XIV – XV вв.). *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, (4/34).
- Борзаковский, В. С. (1876). *История Тверского княжества*. Санкт-Петербург.
- Борисов, Н. С. (1986). *Русская церковь в политической борьбе XIV – XV веков*. Москва.
- Борисов, Н. С. (1999). *Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.)*. Москва.
- Борисов, Н. С. (2017). *Михаил Тверской*. Москва.
- Гадалова, Г. С. (2011). *Благодарная великая княгиня Ксения Тверская*. Тверь.
- Гальперин, Ч. (2012). *Татарское иго: образ монголов в средневековой России*. Воронеж.
- Горский, А. А. (1996). *Русские земли в XIII – XV веках. Пути политического развития*. Москва.
- Данилов, А. А. (2009). *История России. С древнейших времен до конца XVI века. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений*. Просвещение.
- Жилина, Н. П. (2021). Князь Михаил Тверской в думе Рылеева и в русской историографии: путь к святости. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер: Филология, педагогика, психология*, (3).
- Карамзин, Н. М. (1819). *История государства Российского*. Т. IV. Санкт-Петербург.

- Каргалов, В. В. (1967). *Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники*. Высшая школа.
- Керов, В. В. (2001). *История России. Учебный минимум для абитуриента*. Форум.
- Клюг, Э. (1994). *Княжество Тверское (1247 – 1485)*. Тверь.
- Конявская, Е. Л. (2006). *Повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского в Новгородской IV летописи. Древняя Тверь – реальная и книжная. Материалы и исследования. Тверь*.
- Конявская, Е. Л. (2007). *Очерки по истории тверской литературы XIV – XV в.* Москва.
- Конявская, Е. Л. (2011)а. О времени создания текста Проложной статьи на 1 августа. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, (3).
- Конявская, Е. Л. (2011)б. Тверское владычное летописание конца XIII–XIV в. В *Средневековая Русь* (Вып. 9, сс. 139–152). Индрик.
- Кучкин, В. А. (1974). *Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*. Наука.
- Кучкин, В. А. (1984). *Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв.* Наука.
- Кучкин, В. А. (1999). Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. В *Средневековая Русь* (Вып. 2). Индрик.
- Кучкин, В. А. (2000). Почти пропавшая грамота. В *Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори*. Индрик.
- Кучкин, В. А. (2002а). Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского. В *Религии мира: История и современность, 2002*. Наука.
- Кучкин, В. А. (2002б). Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? В *Мир житий*. ИМЛИ РАН.
- Кучкин, В. А. (2008). О принятии Михаилом Ярославичем Тверским и владимирскими князьями титула «великий князь всея Руси». В *Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси*. Тверской государственный университет.
- Лурье, Я. С. (1939). Роль Твери в создании Русского национального государства. *Ученые записки. Серия исторических наук*, (36), вып. 3.
- Мединский, В. Р., & Торкунов, А. В. (2025). *История. История России, IX – начало XVI в.: 6-й класс: учебник*. Просвещение.
- Муравьева, Л. Л. (1983). *Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века*. Наука.
- Насонов, А. Н. (1940). *Монголы и Русь*. Издательство АН СССР.
- Орлов, А. С., Георгиев, В. А., Георгиева, Н. Г., & Сивохина, Т. А. (2006). *История России: учебник* (3-е изд., перераб. и доп.). Проспект.
- Подобедова, О. И. (1965). *Миниатюры русских исторических рукописей*. Наука.
- Пономарев, Г. Н. (2007). *Бортеневская битва, мифы и реалии*. Тверское областное книжно-журнальное издательство.
- Пономарев, Г. Н. (2011). Об освещении древними и современными источниками конфликта между Новгородом и Тверью во времена правления князя Тверского и Великого князя Всея Руси Михаила Ярославича (1314–1316 гг.). В *СМИ в онтологическом и культурном пространстве славянского мира*. Тверской государственный университет.
- Попов, Г. В., & Рындина, А. В. (1979). *Живопись и прикладное искусство Твери XIV – XVI вв.* Наука.
- Пресняков, А. Е. (1998). *Образование Великорусского государства. Мосты культуры*.

- Приселков, М. Д. (1924). «Летописец» 1305 года. В А. И. Заозерский & М. Д. Приселков (Ред.), *Века: Исторический сборник* (Т. 1, сс. 28–35). Наука и школа.
- Сахаров, А. Н., & Буганов, В. И. (2012). *История России с древнейших времен до конца XVII в. 10 класс*. Просвещение.
- Селезнев, Ю. В. (2010). *Русско-ордынские военные конфликты XIII – XV веков. Справочник*. Квадрига.
- Смолик, С. (1995). Михаил Ярославич Тверской (политическая биография). В *Великий князь Тверской и Владимирский*. Тверское областное книжно-журнальное издательство.
- Соколов, А. В. (1995). Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской. В *Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский*. Тверское областное книжно-журнальное издательство.
- Спицын, Е. Ю. (2015). *Древняя и средневековая Русь IX – XVII вв. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов*. Кн. 1. Концептуал.
- Хачатурян, Н. А. (1989). *Сословная монархия во Франции XIII – XV вв.* Высшая школа.
- Штыков, Н. В. (2002). Новгородская политика Михаила Ярославича Тверского: Тверь и Новгород в конце XIII – начале XIV вв. В *Мавродинские чтения*. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Экземплярский, А. В. (1891). *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.* Т. II. Издание графа И.И. Толстого.
- Soloviev, A. V. (1966). “Reges” et “regnum Russiae” au moyen Age. *Byzantion*, 36.
- Vodoff, W. (1978). Remarques sur la valeur du terme “tzar” applique aux princes russes avant le milieu du XVe siècle. *Oxford Slavonic Papers. N.S.*, 11.

Поступила в редакцию: 11.06.26

Принята к публикации: 20.08.26